

84(2Рос-КОМ)-5
с 20

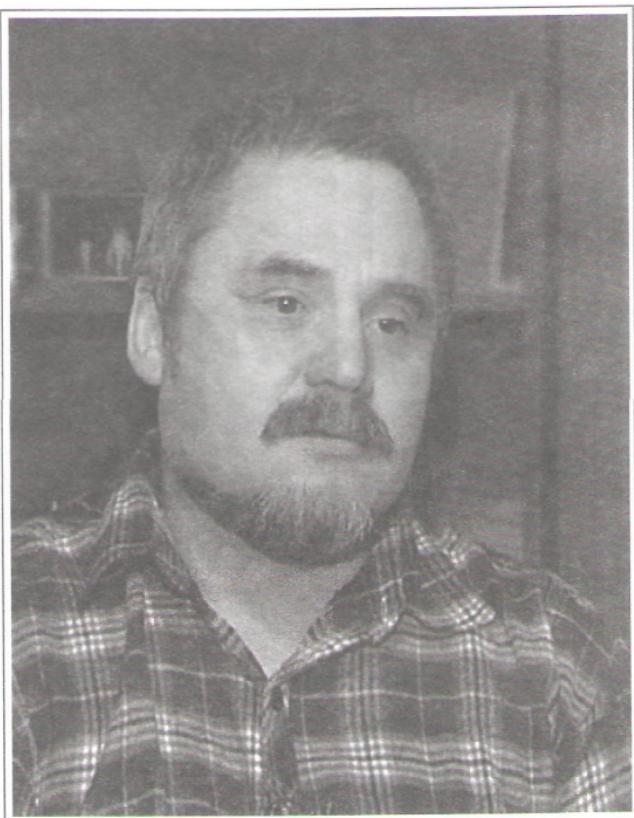
Андрей Сарычев

Воробиное лето

Андрей Сарычев

Воробиное
лето

Андрей Сарычев

Воробиное лето
(стихотворения)

Республика Коми
Троицко-Печорск

2009 г.

ББК 84(2Рос.Рус) 6
С 30

ISBN 978-5-7934-0312-2

©А. Сарычев, 2009

Биография

Сарычев Андрей Борисович родился 28 сентября 1961 года в поселке Троицко-Печорск Коми АССР. Родители: отец — Сарычев Борис Сергеевич, русский, родился в Ярославской области, работал шофером; мама, Сарычева /Карманова/ Елизавета Павловна, коми, родилась в Усть-Куломском районе Коми АССР, учитель.

В семье было четверо детей, Андрей — старший.

Закончил 10 классов, строительный техникум, затем служба в армии, работа на стройке — сначала рабочим, затем мастером, прорабом. Учился в Архангельской лесотехнической академии, но не закончил. Затем работал на строительстве монтажником и заочно учился в Ухтинском индустриальном институте.

В 1991 году — несчастный случай на производстве: травма позвоночника и в результате 1-я группа и жизнь на колесах...

Он прошел курс реабилитации по системе В.И. Дикуля, занимался в течение шести лет, но восстановиться не удалось.

Воробьевое лето

Зато к нему пришли стихи... Их он ранее не только не писал, но и не читал, хотя читал очень много разного. Стихи же, т.е. строки, написанные столбиком, отбрасывал. Для него открылся другой неизвестный мир.

В 2000 году он решился и отправил подборку стихотворений на конкурс в Литинститут им. А.М. Горького, был весьма удивлен, когда получил вызов на вступительные экзамены. Приехал в Москву, сдал экзамены и был принят на первый курс заочного обучения в замечательный семинар Г.И. Седых, успешно прошел обучение и получил диплом.

Любимый поэт — О.Э. Мандельштам.

Увлечения: книги, рыбалка, охота.

Были публикации в районной газете «Заря», республиканской газете «Красное знамя», газете «Московский литератор».

В 2005 году в городе Сыктывкаре вышел сборник его стихов «Понимаю птичий голоса».

Андрей Сарычев

* * *

Жизнь — не мать родная,
Жестко стелет ложе;
Слабого сломает,
Сильного обложет.

Я знаю двух счастливых,
Родившихся в рубашке:
Сосед мой говорливый
И малый пудель Яшка.

Один не умолкает,
Язык как помело,
Другой все понимает,
И рядом с ним тепло.

Я их люблю наверно,
Они — меня, не знаю...
Живот мой как цистерна,
И матерно ругаюсь.

Купили как-то пива —
Зарплату дали Вовке —

Воробьиное лето

И мы сидим красиво,
Не собирая пробки.

Комарики над нами,
А нам совсем не тяжко.
И бегает кругами
Счастливый пудель Яшка.

Заветное место

Обрывистый берег,
Размашистый плес.
Шальной ветерок,
Разминающий мускулы.
И хоровод
Полносочных берез,
Здесь расширяется
Тропочка узкая.

Березовый сок,
Оживляющий горло.
Над чистой рекой
Конопляные песни.

Ни волчьего воя,
Ни клекота ворона —
Здесь хочется быть
До прозрачности честным.

Как эти капли
На ветках берез;
Коснешься рукою, —
Срываются вниз.
А многих уж нет,
Их ветер унес...
Но на их месте
Рождается лист.

Возвращение

Девяти открыт ветрам
Дом на косогоре,
Паутина по углам,
Тихое подворье.

С фотографий на стене —
Молодые лица.

Воробьиное лето

Все остались на войне,
Впопытку помолиться.

Я заздравную приму
Из солдатской кружки.
Фотографии сниму,
Отнесу в церквушку.

Свечи ровные горят,
Озаряя лица...
За тебя, родной солдат,
Есть кому молиться.

Степная кровь

«Кобыльи корабли»
С. Есенин

Вдруг на равнине мыслей
Забывается пульс стиха,
Придут другие числа
Из тьмы, издалека.

Андрей Сарычев

Еще не крикнул филин,
И полночи все нет;
Плывет корабль кобылий
Среди других планет.

Плыут по небу звезды:
Мицар.....Альдебаран,
Плыает зеленый остров
В далекий океан.

На острове извека
Гуляют табуны,
Редки здесь люди,
И травушки хмельны.

Я лошадей объездчик,
Я их и царь и бог —
Занятия чудесней
Бог выдумать не мог.

Мне сон любимый снится:
Ромашки да овсы;
Степную кобылицу
Веду я под уздцы.

Воробьиное лето

Прядет она ушами,
Кусает за плечо.
Раздолье перед нами.
И сердце горячо.

* * *

Счит волна прозрачнейшую пряжу
Из воздуха, из капель, из песка.
И девочка, бегущая по пляжу,
И шляпа квелая чудного рыбака.

Из памяти взлетает в небо мячик,
И, вспомнив холода зимы,
Врезаемся в песок горячий
Телами влажными как валуны.

Мы бронзовы от солнца и вальяжны,
От вспыхнувшего лета очумели;
И мысли плавятся, и все не важно,
Забыты обязательства и цели...

Ледяной огонь

Снега заструги заостренные...
Их поземка руками влюбленными
Отточила как бритвы —
Поле белое вечной битвы.

Щеки обжигает
Ледяной огонь,
И глаза слипаются,
И крадется сон.
Отдохну немного
И пойду...потом.
Нет. Не спать. Не спать.
Вставай.
Сквозь хохочущую выюгу
Медленно шагай.
Ты же главный отчаяна
На огромный,
На безмолвный,
На колымский край.
Прожил здесь не дни — года.
И исчезнешь без следа?

Воробьиное лето

Нет. Не спать. Не спать.
Вставай.
Вроде бы собачий лай...
Поспеши, седой каюр.
Спирта я тебе налью.
Я в старательском поселке
Не последний человек.
Здесь, конечно, люди — волки,
Но с тобой друзья навек
Будем...
Застругов качают волны.
Ледяным огнем наполнен
Кожушок моей души.
Эй, каюр, спеши, спеши...

Мне берег речки рассказал

Улица Кирова. Я на обрыве.
На берегу самой лучшей реки.
Ветер весенний. Косматые гривы
Зрелых деревьев печорской тайги.

Андрей Сарычев

Нехотя катится солнышко ясное.
Вот подтолкнуть бы движеньем руки.
Ночь у костра, настроенье прекрасное,
Звезды — порхающие мотыльки.

Ночь у костра — нет ее романтичней.
Думай себе, да на угли смотри.
Тихое действие, глубокое, личное,
И на десерт — зарожденье зари.

Звездной медведицы дрогнули лапы,
И зашептал вдруг речной бережок:
Здесь медные молодцы гнали этапы,
И падали люди на красный снежок.

В гражданскую брат поднимался на брата.
Пленных под лед; и душа леденей...
Те времена не вернутся обратно,
Светлая память возвысит людей.

Воробьиное лето

* * *

Домик садовый фанерный
Запаян в осеннюю мглу.
Предельно натянуты нервы,
Все звуки — ножом по стеклу.

И я на окне запотелом
Бездумно рисую кресты...
Она навсегда улетела,
И дни мои стали пусты,

Я в пятом углу затеряюсь.
Поселится в доме зима.
Тоска без конца и без края,
Сойду я, наверно, с ума.

И, вынырнув в городе белом,
К прохожим начну приставать.
Веселую тарантеллу
С безумством в глазах танцевать.

Ночные животные

Устали лица.
Умолкли птицы.
Еще один
Окончен день...
А волки
Рыщут по ночам,
Рычат и воют.
А звезды роем
К земле стремятся.
Но звездопада
Волки не боятся —
Они не замечают звезд.
А если замечают,
То одну —
Луну.
Но она
Не звезда.

Грядут холода.
И воздух
Становится плотным.

Воробьиное лето

Я мерзну заранее
На русской окраине,
Ночных вызывая
Животных.

* * *

Пахнуло весной.
И я, сам не свой,
Кручу головою как птица —
Проснувшимся взглядом
Потрогать мне надо
Людские незимние лица.

Улыбки смелее,
И говор живее
У всех, в ком огонь не угас.
И редкий прохожий
Со взглядом берложным
Ползет как тяжелый баркас.

Веселые люди
Такими не будем.

Андрей Сарычев

Мы словно воздушные лодки.
По снегу и лужам
Скользим и не тужим;
И воздух до смеха щекотный.

Шальная весёнка;
Танцуют девчонки,
Одёжки зимы обронив.
И пляшут веснушки
На розовых плюшках —
Игривый весенний мотив.

* * *

В молчаливых крышах
Северный закат...
А детишек слышно —
Играют и кричат.
За окном прохожий
Уходящий снег —
Сам с собой не схожий
Двадцать первый век.

Воробьиное лето

Провинция, провинция...
Горькая рябина.
Я над тобой синицею,
Поселок мой любимый,
Взлетаю. Улетаю
И возвращаюсь вновь.
Вовеки не состарится
Первая любовь.

* * *

Несспешный чай. Костер вечерний.
Воздух прохладный таежной реки.

Месяцы, годы, радости, тернии
Врезаны намертво в карту руки.

Ползет муравьишко — щекотно ладони;
И тихая радость выходит из тени.

Смотрит Всевышний с небесного трона.
Я перед ним преклоняю колени.

* * *

Звезды

В небе начинают танцевать,
И моя железная кровать
Звездолетом становится.
Теребя рыжий ус,
Вычисляю я курс —
Неученому звезды
Не ловятся.

Надо много уметь,
Надо очень хотеть,
Чтоб коснуться звезды;
И сигнальная медь
Будет грозно звенеть,
И пожухнут цветы.

Я вернусь как обычно...
И добытою спичкой
Разжигаю огонь.
Заколышется пламя,
Как советское знамя —
Их руками не тронь.

Воробьиное лето

Искры вылетят роем...
Раньше были герои,
А теперь где они?
Жизни манная каша.
И на улице нашей
Зажигает «Макдональдс»
Огни.

* * *

Я приеду в дом родной,
Мама будет очень рада;
И поставит предо мной
Ягоды лесного сада.

Август по лесам шагает,
Сладок ягодный налив.
В воздухе родного края
Зазвучит простой мотив.

Мама знает чудо-песню
На старинном языке;

Андрей Сарычев

Упływaю в мир чудесный,
Словно в лодке по реке.

Песня вдаль меня уносит
Без вранья и лишних слов.
Исчезает с переносья
Мета шумных городов.

Где душа моя устала.
Ей набраться б новых сил.
Мама песню напевала.
Я по речке в лодке плыл.

Верлибр № 1

Жил человек семьей.
Остался один.
Стал обрасти шерстью.
Мешала двигать конечностями.
Выгрызала ее зубами.
Дотянутся мог не везде.
Приходилось

Воробиное лето

Обращаться к специалистам.
Они свое дело знали.
Наступало облегчение.
Но ненадолго.

Верлибр № 2

Зимняя площадь.
Замерзший фонтан.
Сон или смерть?
Скорее анабиоз.
Наступит весна.
Придет врач.
Подключит систему.
Фонтан очнется.
Задышит влагой.
И зажурчит,
Заплещет...
И вспыхнут радуги.
Если в городе М.
Еще будут нужны
Фонтаны.

Андрей Сарычев

Навеянное

вечер
бабочки
души моей
разлетелись
осиротевшие
домики коконов
печальные флейты
ветер

Фотохудожник

Бегут ручьи.
Они ничьи.
Но трогают
Сердце каждого.
В этот солнечный денек
Мне расскажет ручеёк
Что-то важное.

Через парочку недель
Из-за тридевять земель

Воробышко лето

Прилетают птицы.
Дрогнет неба олово.
Запрокинем головы.
Прояснятся лица.

Из-под зимней хмари зыбкой
Вдруг проявятся улыбки,
Словно с негатива.
Вам соврать не вправе я:
Будут фотографии —
Не пройдет мимо.

Вы себя узнаете
В солнечной мозаике
Уличной витрины.
Будьте удивленными,
Будьте в жизнь влюбленными,
Распрямите спины.

Андрей Сарычев

* * *

Точит когти ноябрь,
И луны канделябр
До железной слюны одинокий
Тускло светит во мгле;
И узор на стекле,
И вода не шумит в водостоках.

Значит, снова зима...
Ранним утром дома
Задымят, что твои паровозы.
На рябине седой
У кормушки простой
Вдруг распустятся птицы-мимозы.

Это мой зимний сад.
Я всегда ему рад.
Для меня он живая водица.
На снегу свежий след;
И собрались в букет
Снегири, воробы и синицы.

Воробьиное лето

Мне много не надо.
Есть негромкая радость
И свое — не японское — нэцкé.
И следы на снегу
Оставлять я смогу,
Если не разучусь
Удивляться по-детски.

Язычник

Муравейник — моя голова:
Все полезное, строясь, тащу.
Обнимает за плечи трава:
«Оставайся, искать не пуши!»

Из темна пробиваясь на свет,
Я ищу неизведанный путь
В Беловодье, которого нет.
Или есть? Но утеряна суть.

Изболелась, страдает душа.
Ей неведом ни сон, ни покой.

Андрей Сарычев

Я наощупь пойду не спеша...

Глаз Ярило открыл золотой;

Осветилась моя голова,
И деревья — подобья свечей...
Я хочу корневые слова
Отточить оселками лучей.

Чтобы сердце пронзали иглой —
Под его заскорузлой корой
Набухает чудесный цветок;
В нем и Север, и знойный Восток,

Обжигаясь, в объятьях сплеились,
Забродили горячечным соком...
Пробиваюсь, а Ярое Око
Смотрит грозно: «Ну что же...
Молись!»

Воробьиное лето

* * *

Речка стала. Переправа.
Крепок лед и гладок путь.
И повсюду — слева, справа —
Рыбаки сидят, снуют.

По излюбленным дорожкам
Катит зимний царь — налим...
Здесь я ездил за морошкой,
И грибы возил в лукошках,
В лодке ехали над ним.

А сегодня на машине
Едем также с ветерком;
Быстролетность жизни нашей
Вдруг по коже холодком...

Капище

Все зыбко... В воздухе струится
Неуловимый лунный свет,

И месяц колдовскою птицей
На небе оставляет след.

От зелья холдеет рот,
И горький привкус на губах...
А истуканов хоровод
Кружит на каменных ногах.

Божком безгубым каменея,
Я погружаюсь в мох седой;
И прячет дочь Кассиопеи
Следы, оставленные мной.

На восток

Когда дрожит предательски рука,
Когда немеет корень языка,
Когда грядет великая тоска,
Все светлое наотмашь отчекрыжа, —
Ныряю я в глубины языка,
Спасенья на поверхности не вижу.

Воробышко лето

Уносит память — мутная река,
И камни грозные рычат на перекатах.
Я, стиснув зубы, уплываю от заката —
Водой студеной слово мертвых «рок»
С себя сдираю, выгребая на восток.

Растерянность

Безмерное высокомерие
Огромного города —
На бюллетень
Загремишь
От этого холода.
И каждый день
2,5 миллиона гостей.
Да... Не лучшая из идей
Город, город-компакчикос...
И мысли мои набекрень,
И морда наперекос.

Город меня прессовал,
Размазывал по асфальту,

И я уже забывал
О звуках небесного альта,
И радостях нашей земли,
Которые в город
Меня привели.

Я по улицам брел,
Сам не зная куда,
И думал тягучую думу:
«Какой негодяй придумал
Огромные города...»

До свиданья, Город

Брошена монета
В золотой фонтан.
Куплены билеты,
Собран чемодан.
Тополиным пухом
Закружилась грусть.
Если верить слухам,
Я сюда вернусь.

Воробьиное лето

Брошу и вторую
В фонтанный белый дым.
А голуби воркуют,
Что город стал родным.
Нахрапистый, богатый,
И вроде бы чужой.
Любимый и проклятый,
Что сделал ты со мной?

Крутой возносишь лестницей,
Опасно вниз смотреть.
За считанные месяцы
Успел я прикипеть.
Отравлены все клеточки,
Я верный сын лесов
Пронзаю тонкой веточкой
Асфальтовый покров.

Раскинувшись привольно
На семи холмах,
Ты сытый и довольный,
Но в толстых стенах — страх.
Чрезмерно озабоченный

Андрей Сарычев

Ночами плохо спиши,
Сам накрепко сколоченный
Нас намертво гвоздиши.

Твой житель насторожен,
Но смотрит сверху вниз.
Я ненавидеть должен
Их ледяной снобизм.
Нет в сердце места злобе
В нем поселилась грусть.
Вот час отъезда пробил.
Жди, Город. Я вернусь.

* * *

Февраль снаружи,
Февраль внутри.
За зимней стужей под 43,
Вдруг — плюс и дождь,
Случайный, запутавший,
В суровый край
Не вовремя попавший...

Воробьиное лето

Ты не гони его, не трожь
Нежданный, но чудесный,
Февральский пьяный дождь.
Ты настежь двери отвори;
Поговори, поговори
С дождем нежданным напрямик.
Скажи ему, что не привык,
К внезапным перепадам,
Что ждали снегопада
И обжигающих ветров.
Скажи, что не был ты готов
К теплу...
И в зимнем ты стоишь пальто
У дома на углу.
Пальто в слезах...
Смешные выпучив глаза,
Вдруг замер удивленный,
Водою опаленный,
Прохожий
На моржа похожий.
А ты, смеясь, глазами ешь,
А ты, смеясь, с ладоней пьешь
Нежданный, но чудесный
Февральский пьяный дождь.

* * *

В комнате нагретой
Углубленно тихо, —
Слышно, как горит
В лампе керосин.
Пахнет теплым летом
В блюдце облепиха.
Самовар кипит.
Я сижу один.

Кипяток — ключом;
Наливай да пей —
Отдуваясь, ахая —
По-русски...
Заведи, сверчок,
Песню поживей...
Почему? Не знаю.
Мне сегодня грустно.

Грустно беспричинно,
И почти тревожно.
Что-то чай не пьется,

Воробьиное лето

Блюдечко разбилось.
За окном родился
Шорох осторожный.
Что ли кто крадется
Или мне помнилось?

* * *

Снег в сентябре...
В этот год он пожаловал рано.
Сиротливо он падал и странно,
Розовато светясь на заре.

Виноватый, пришедший до срока,
Снег летел, в самобытность не веря...
Я открыл приглашающие двери;
Умирал он, достигнув порога.

Солнце было — кочевник в набеге,
И к полудню как не было снега —
Словно черти его унесли
С антрацитовой шкурой земли.

Андрей Сарычев

В небесах раскачались качели,
Облака поднялись, посветлели,
Друг за другом в кильватер легли
И растаяли как корабли.

* * *

Брызг огней...
Удар кресала?
Над землею заплясало
Пламя, греющее всех —
Бог качнул кузнечный мех.

Первый вдох...
Все в первый раз
Было... Будет и у вас.
Если папа не осудит,
Если мама не предаст.

Воробьиное лето

* * *

Жизнь человека
На наковальне проб и ошибок,
И молот судьбы безостановочно бьёт.
Но мы сохраняем
Способность к улыбке,
Душа неустанно стремится в полет.

А годы мелькают
Быстрее чем спицы
Велосипеда из детства,
Которое чаще и чаще
Мне снится...
Наверное,
Больше мне некуда деться.

Дети...
Кусают себя за пятки.
Они закрывают ладошками уши
И крепко сжимают веки.
Мудрые дети...
Мне часто бывает зябко
В шкуре тяжелой и душной
Взрослого человека.

* * *

Структура
Кристалла
Прозрачна, ясна
Как сон ребенка,
Как слюнка его,
Достигшая подушки...
У сынишки моего
Болели ушки;
Сегодня, наконец,
Перестали.
Он крепко уснул
В объятьях
Бабушкиной шали.
Облегченно
Вздохнула жена,
А я записал
/Не используя ластик/:
«Прозрачна, ясна
Структура счастья».

Холод

Прозрачно.
Движений не слышно.
В саду отцветает вишня.
И воздух струится,
И мертвая птица упала...
Дрожат опахала.
Я император. Суров.
Из лепестков
Вырастают сугробы —
Слуги трудолюбивы.
Тропинок извивы.
Вишни.
И девочка:
Кожа пробита ознобом,
Глаза переполнены влагой...
Глупышка,
Не надо,
Слез понапрасну не лей,
Для расцвета
Страны моей
Крови пролито немало.

* * *

Ночь.
Сентябрь.
Темно и сыро.
Радио в чужой квартире.
В кресле дремлющий стариk...
И холодная минута
Потекла за воротник.

Диктор собран и бесстрастен,
Сыплет слов сухой горох.
У людей немногого счастья
В самом лучшем из миров.

* * *

Если молчание — золото,
Стихотворная речь — серебро.
И звучит она словно колокол,
Разгоняя ползущее зло.

Воробьиное лето

В опостылевшем коробе каменном
Вдруг душа замирает птенцом;
И поэзия тихим пламенем
Изнутри освещает лицо.

От пронзительных слов Мандельштама
Мне становится странно тепло;
Словно в детстве погладила мама,
Словно папа доверил весло.

Бей набатом серебряный колокол,
Разгоняй многоликое зло.
«Не всегда же молчание — золото», —
Я кричу в ледяное стекло.

* * *

Я живу в закрытой башне,
Но в нее есть тайный ход.
Кто-то честный и бесстрашный
По нему ко мне идет.

Андрей Сарычев

Он найдет тепло и пищу,
И душевный разговор...
Зимний ветер свищет, свищет,
В душу лезет, глупый вор.

Отвяжись, холодный дурень,
С гостем дай поговорить...
Гость, прищурясь, вкусно курит,
Разговора вьется нить.

И прервется как-то разом:
В башню вступит тишина.
Звезды не брильянты, — стразы,
Ночь фальшива и темна.

Если так, то лучше — ветер,
Ветер-дурень заводной.
Помотаюсь с ним по свету,
Может быть, вернусь домой.

Звездочет

Звезд потерянный свет.
Полированный снег.
Ветерок и скользящие тени.
Берег озера и... человек,
Одинокий, как будто последний.
Звездочет.
Неужели такие остались?
Но зевака не будет стоять
В ледяной пустоте.
Вот чудак. Пусть горят.
Ведь все звезды давно сосчитали,
И не надо искать, говорят,
Черных кошек в глухой темноте.

Замерцала звезда...
И цыпленком пушистым скатилась
Под крыло задремавшей земли;
Подо льдом зашептала вода —
Её, наверно, сладко приснилось
То, что осенью птицы
На тонких крылах унесли...

Дерево

Зимнего утра робость.
Свечение снега.
Слияние черных изломанных линий
На ослепительно белом фоне.
Дает глубину паутинчатый иней,
Прозрачный, как звук ксилофона,
Летящий в небесную пропасть
Как колесо, что сорвалось с телеги,
Летящее в пропасть,
Чтобы разбиться...
И снова родиться
Из дерева, растущего на склоне.
Которое —
Слияние черных изломанных линий
На ослепительно белом фоне.

Случайная радость

Проснешься мгновенно
В такое мгновенье,
Что можно услышать
Теченье минут;
Сочатся неспешно,
Срываются с крыши
И в темя приглушенно бьют.

Из мысленной глины
Рождают картины...
И образы чинно идут.
Идут вереницей,
Не смея садиться, —
Их время еще не пришло.
Но крохотный образ,
Взлетевший синицей,
Случайно коснется крылом.

И станет душе хорошо и уютно,
И миг повторится опять...
Веселое утро,

Смеюсь я чему-то,
И хочется что-то отдать.

Заречье

Первые домишкы моего поселка,
Здесь он зародился 300 лет назад.
Этим утром ранним далеко все слышно;
Хвойные иголки на ветру звенят.

Печи растопили; дым летит на север —
Вольно разошелся южный ветерок.
Солнца распускается золотистый веер,
И седая бабушка свой печет пирог.

Аромат разносится, да на всю округу.
Видно, мастерица бабушка моя.
На лошадке рыжей подтяну подпругу —
Ехать мне сегодня в дальние края...

Сонет печальный

Светлой памяти С.Н.И.

Сквозь стакан преломляется солнце —
Пью зимы ледяное вино,
Жизни яд выпиваю до... донца.
Яркий полдень, и все же — темно.

От ломоты в зубах я не морщусь:
Привыкаешь и к этому тоже.
Вечный сон в замороженной роще...
И мурашки по вздрогнувшей коже

/Помнит нежные руки любимой/.
На губах привкус горький рябины.
Жизнь прошедшая кажется сном...

Эй, стакан, ну-ка высыпь донцем!
Для кого-то и лампочка солнце...
Мне сегодня под солнцем темно.

2003, 15 ноября

Андрей Сарылев

* * *

Я «Приму» курил, удрученно молчал
На старте дневной суматохи.
Чахлый балкон, проржавелый металл.
В общем — дела плохи.

В небе взорвался невидимый шар,
И голос возник ниоткуда...
Кто-то стихи вдохновенно читал;
В кухнях роняли посуду.

На миг очарован обшарпанный двор
Литым колдовством Пастернака.
Кончен у мусорных баков раздор,
Замерли даже собаки.

Вконец ошелевший засаленный бомж
Неистово сжал кулаки —
Впервые познал не похмельную дрожь,
Сердцем внимая стихи.

...Я «Приму» курил, по-другому молчал,
И пепел ронял на колени.

Воробышко лето

В небе взорвался невидимый шар,
В душах осталось смятенье.

* * *

Даль укрыта туманом.
Там живут великаны,
Носят солнце на крепких руках...
В дверь мою не стучите — мечтаю,
В телефон не звоните — витаю
В облаках.
Можно грохнуться на пол
Головою на запад,
Иль на восток,
Иль совсем потеряться
От боли.

Все зависит от времени года,
От того, что нашепчет природа,
И еще от миллиона причин.
Слышиу я голоса теплоходов,
Вижу я оживленную воду
Среди белых февральских равнин.

Андрей Сарычев

Двери настежь свои открываю,
И хороших вестей ожидаю...
От кого и откуда?
Не знаю,
 не знаю,
 не знаю.

* * *

На белом потолке
Родные лица...
И карандаш в руке
Бежит, бежит,
Стремится
Скорей поставить точку.
Встречаю завтра дочку.
Из города она
Приедет погостить.

Расскажет
Городскую жизнь,
Согреет
Отцовское сердце.

Воробьиное лето

Стрелка часов, кружись.
Кукушка, распахивай дверцы
Своей золоченой тюрьмы.

Завтра
Встречаемся мы.

* * *

Я так долго не видел высокого
Неба, что утратил привычку
Голову вверх задирать.
Вспоминаю все чаще ясноокую
Деву /помог ей зажечь непослушную спичку/.
Я буду всегда вспоминать
Эту улыбку новоявленной Джоконды...
— С Вас бы картины писать, —
молвил я ей изумленно.
— Вы напишите, — сказала и
каблучками зацокала...
Остались: до пальцев сгоревшая спичка
И я, и предощущенье коллапса.

«Ну что с него взять?

Он в жизни не видел высокого!» —

Вкатилась в картинку блестящая гладкая такса,
Ведя за собою дородную важную даму.

Москвы панорама...

Я болен,

Я сладостным ядом отравлен, — столичным,

А завтра, увы, уезжать.

Мне память рисует высокое небо.

Быть может вернется, вернется привычка

Голову вверх задирать.

На весенней охоте

Мерцанье звезд далеких.

В душе проснулась грусть.

В побегах бродят соки.

Молчит убитый гусь.

Миллиарды человечков

На маленькой Земле.

Я выдул дым колечком,

И сам исчез во мгле...

Воробьиное лето

* * *

Знаю, что где-то рядом
Гуляет чеширский кот;
Ходит вокруг привады,
На ласковый зов не идет.

Жизни моей дерюга,
Пыль летит изо рта.
Хоть раз прикоснись, зверюга,
Кисточкой хвоста.

Мне опять не везет.

В свете вечернем зыбком
Возникнет его улыбка
И пропадет.

* * *

П.О.

Короткие встречи в апреле.
Весенний разлив акварели.
И ласточка падает в небо...
Мы купим горячего хлеба;
Хрустящую булку кусаем
И таем, и таем,
Как масла кусочки на хлебе.
А ласточка падает в небо.

Короткие встречи...
Мгновения счастья.
Неловко целую запястья
Твоих удивительных рук.
Земля — акварелевый круг.

Мы таем, мы таем,
Как масла кусочки на хлебе.
А ласточка падает в небо...

Воробышко лето

* * *

Побежали по воде круги;
Две монеты на холодном дне...
Не отдам твоей руки —
В ней тепло счастливых дней.

Отгорел июль, угас.
Уезжаешь, — жаль.
Накрывает мягко нас
Августа печаль.

Постарайся сохранить
В памяти-копилке:
Речки голубая нить
Бьется словно жилка

В горле матушки-Земли,
Золотопесчаном...
Скоро крикнут журавли
В облаках-туманах.

Скоро...

* * *

Был сон пасторальный:
Голландия летом;
И небо сиреневым
Полнилось цветом...
Но сердце мое
Навсегда обогрето
Не западным — русским
И северным светом.

Пусть низкое небо.
И сиверко ветер
Порою завоет. —
Да так, что хоть плачь.
Но — белые ночи,
Рассеянность света:
И ветер — собачка,
И сердце — калач.

Воробьиное лето

* * *

Сегодня по лесу
Несспешно бродил.
Деревья, здоровааясь,
Трогали ветками.
Открылась река,
А в ней облака —
Неторопливые светлые.

Недолгое счастье
Таежной земли —
Летящее вдаль
Воробьиное лето...
Высокие травы
На землю легли,
И одуванчиков нету.

Муза деревенская

Мычали радостно телята:
— Ведут, ведут на водопой!
И деревенская Эрато
Пришла как солнышко за мной.

Тряхнула выгоревшей челкой,
Дохнула свежестью цветка,
И повела дорогой звонкой
Туда, где быстрая река

Тенистыми пленялась берегами,
И золотистым бредила песком.
Туда, где вместе с облаками
Коровы в небе голубом...

Где приземленность убегала
За неизведанный предел...
По-детски мне воздушно стало,
И я от легкости запел.

Хозяйки ждали во дворах:
К вечерней дойке время шло.
А муза вдаль меня вела
Сквозь воздух — чистое стекло.

Воробьиное лето

* * *

Неторопливая река
Бежит к седому океану;
Невозмутимы берега.
Непредсказуемы туманы.

Под покрывалом белой ночи
Ни ветерка, ни злой волны;
И капли с весел — многоточья,
И оживают валуны.

Как будто сотни лет назад —
Настолько дикая округа...
С ума сводящий аромат
От проплывающего луга.

Мерцает золото костра, —
А может быть, огонь свечи, —
На тонком кончике пера
У белой лебеди в ночи.

Взгляд из окна

Лошадка уныло махает хвостом,
Она отгоняет мошку.

А я как дурак сижу за столом,
Седую чешу башку.

Ей бы на волю, в горячий табун.
Там бы вертела хвостом.
Были бы и молнии, был бы и гром,
И рядом родное мурло...

Мне бы на волю, взмахнувши крылом,
Туда, где людей кутерьма.
А я как дурак сижу за столом,
Пытаясь набраться ума.

Не поют

Белой ночью вдруг — тоска:
Обрывается строка.
В вязкой тишине ночной
Мысль увязла, скомкан строй.
В рупор белый лист кручу,
В ночь безмолвную кричу.
Пусть ответит подгулявший
Полупьяненький мужик,
Грудью воздуха набравши.
Под окном пусть залажит.
Про камыш, про темну очку,
От души пусть выдаст он.
И душа моя комочком
Сладко скатится под склон.
Что нам психотерапевты...
Душу лечит песня-крик.
Ночь глуха и безответна.
Не поют. Притих мужик.

Лекарь-лес

Ты устаешь, и ум не быстро —
Сигнал, возможность бедствия.
Причина — организм не чист,
Усталость — это следствие.

Вставай пораньше, не ленись,
Иди в ближайший лес,
Прижми к щеке поющий лист
И оглянись окрест.

Броди неспешно целый день,
Дыши, не торопясь,
Послушай птиц живую звень...
И отслоится грязь.

На сердце станет так легко
Как в детстве откровенном,
И видеть станешь далеко,
Не сразу — постепенно.

Из легких хрипы убегут,
И ты вздохнешь свободно.

Воробьиное лето

Здесь всем отравленным приют.
Приют душой голодных.

Лови сиянье красоты
Всей сущностью ментальной.
Вернутся чистые мечты,
Благое состояние...

Умиротворение —
Забытое словцо.
Души благодарение
И светлое лицо.

Ночи Севера

Ночь. Тайга. Мороз под 30.
Мне, чаевнику, не спится.
И, тихонько скрипнув елью,
Я стою под старой елью,
Рядом трактор-мастодонт
И невидим горизонт.

Наблюдаю ночью лунной
Два дымка из труб чугунных;
В небо тянутся они.

Ночи Севера длинны.
Трудно вертится планета.
В нахлобученных беретах
Дремлют домики-балки.
До рассвета, до рассвета
Отдыхают мужики.

Менталитет

Надсадно каркали вороны,
Собачка истекала злобой —
Медведь облезлый и огромный
Сипел изношенной утробой.

Его привел пьянящий дух
Набитых медом ульев.
Хозяин пасеки был глух,
Он пьяный спал меж стульев.

Воробьевое лето

Вчера продал полтонны меда,
И загулял по-русски —
Зазвав окрестного народа:
И водка — всклень, и лом закуски.

Проснется пасечник гуляка:
В усадьбе неприглядный вид.
Почешется: «Бардак, однако...»,
И пару ульев смастерит.

Топор в его руках — игрушка,
Пила, ожившая, поет.
На ветке рыжая зверушка
Открыла удивленно рот.

Питие

1.

«Клюковку» клюкали,
С браженьки брали.
Лялякали, люлюкали,
Все пропивали.

Водочку пили
Как святую водицу.

Жили? Не жили?
Растеряны лица.

2.

Из болотца вынимая,
Пила воду мать немая.
Мыком сыну предложила
И краюху приложила.
Улыбнулась грустно так —
Сердце ела нищета.

Аккуратно, не спеша,
Пили дрянь-водицу...
Звякнув, треснула душа —
Я решил напиться.

Воробьевое лето

Тихая охота

Вот и август пришел дождевой.
Отдыхают садовые лейки.
А в лесу под широкой сосной
Разбежалась грибная семейка.

Здесь трепещут листами осины.
Здесь на сердце нисходит покой;
И в руке тяжелеет корзина, —
С ней не стыдно вернуться домой.

Пусть соседка вздыхает и зыркает —
Угостим и ее, неумелую...
Я умоюсь, балуясь и фыркая.
И рубаху надену, — белую.

Хорошо на веранде в прохладе
Слушать, как сковородка чуфычет...

Я в свой дом воротился с добычей.
Что еще человеку надо?

Ягода-брусника

Небосвод по-особому светел.
Там вожак своих братьев ведет...
На земле белый мох
И сучья, истлевшие в пепел —
На вырубках старых
Брусника растет.

Здесь когда-то стоял
Звонкососенный бор.
Я в ту пору еще не родился.
Здесь мой прадед ходил,
С лесом вел разговор,
И богу лесному молился.

Беру дорогую бруснику,
Северный наш виноград,
Гусиному радуюсь крику,
И просто по-глупому рад.
Устав от несчетных поклонов,
Присяду на миг отдохнуть;
Спокойная мощь небосклона
Вливается в слабую грудь.

Воробышко лето

Объятия теплого света,
Нежаркого бабьего лета.
Мыслей неспешный полет...
На вырубках старых
Брусника растет.

* * *

Звезды вычертят путь.
Мне с него не свернуть.
Это чувство ни с чем не сравнимо.
Будет ночь хороша.
Оживилась душа —
Беспокойный волчок пилигрима.

В круговерти ночной,
Над родной стороной
Я пройду небольшим метеором.
Кратковременный свет...
Но оставшийся след
Может вызывать вопросы и споры.

Андрей Сарычев

Жизнь покажется сном.
В невысокий наш дом
Я вернулся сиреневым утром.
Всех на свете мирия,
Зарождалась заря,
Наливалась живым перламутром.

* * *

Живу на старом корабле.
Мы скованы глухими льдами.
Я ~~сыт~~ и пьян, и нос в...тепле,
И даже знаю оригами.

И крыса есть, почти ручная;
Во время приступов тоски
Стихи негромко ей читаю,
Несовременные стихи.

Сижу подолгу в тишине,
Порой танцую под сурдинку.
Но вы не ходите ко мне.
В сердцах у вас наверно льдинки

Воробьиное лето

Под ворохом дежурных слов
Образовались не сегодня.
Я ко всему уже готов.
И слышатся шаги по сходням...

* * *

Прожить на дальнем полустанке,
Больших не ведая дорог.
Где, просыпаясь спозаранку,
Прозрачный родниковый сок

Глотать до перехвата горла,
И, наблюдая поезда,
Смотреть без зависти и гордо...
И пусть проносятся года

Как скорые и рядовые,
И те, в которых есть конвой;
И провожать народ честной
В края далекие — иные...

Когда
Закатится звезда,
Не ощущив последний страх,
Уснуть сжимая в кулаках
Литые медные мозоли.

И пусть еще приснится море —
Безумной юности награда...
И больше ничего не надо.

* * *

Мне расставаться с вами жаль.
Как мало! Мало мы успели...
Зовет неведомая даль,
Звучат далекие свирели.

Пойду, пойду — терпеть не в силах,
Пойду на звук, пойду на зов.
Очнусь, быть может, на Курилах, —
Другим... Не зная русских слов,
Иначе буду я молиться.

Воробьиное лето

Но будет сниться,
будет сниться
Сиянье северных морей,
И накрепко сцеплять ресницы
Соленый клей,
соленый клей...

* * *

12.30.

Шар земной
Еще кружится вместе с нами.
Стою с открытой головой,
Нелепо развожу руками.

Я видел в небе тень стрижа.
Или еще какой пичуги?
И тихо падали, кружа,
Снежинки у моей лачуги.

А мимо люди пробегают на обед,
Скрипя февральским оголтелым снегом;

Андрей Сарычев

Бегут и оставляют след
Под улыбающимся небом.

Февральское вино

Мечтаю вырваться из каменного плена.
Хочу построить деревянный дом.
В нем печку растопить...
И выступит на стенах
Смолы роса над синеватым мхом.

Чтоб дух лесной пронизывал мой воздух,
Дышалось в нем наполненно легко.
Чтоб речь лилась непринужденно просто,
Звучал в душе неведомый аккорд.

Построить дом.
И пригласить вас в гости —
Отведать мой шиповниковый чай.
И будет ветер в стены бить со злостью,
А мы его — не замечать.

Воробьевое лето

Там будут окна на речной простор,
Сосновый стол, простые табуреты;
Со старым другом молчаливый разговор.
Там будет тихо.
И много света.

Негромкий вечер за моим окном —
Устала к ночи, вымоталась выюга.
Я так и не откупорил вино.
Его не хочется без друга.

O профессии

Моя профессия чирикать
Заветным перышком в тетрадь,
И от малого до велика.
Все замечать, все замечать.

О том, что видел рассказать вам
Простым певучим языком.
Мила мне русская усадьба,
И дорог мне крестьянский дом.

Андрей Сарычев

Один завет мне помнить надо:
Не навреди. Не навреди.
Слова бывают страшным ядом,
Слова взрываются в груди.

Моя профессия чирикать
Заветным перышком в тетрадь;
Ловить полутона и блики.
И взвешивать. И выбирать.

Оглавление

Биография	5
Жизнь — не мать родная	7
Заветное место	8
Возвращение	9
Степная кровь	10
Счит волна прозрачнейшую пряжу	12
Ледяной огонь	13
Мне берег речки рассказал	14
Домик садовый фанерный	16
Ночные животные	17
Пахнуло весной	18
В молчаливых крышах	19
Несспешный чай. Костер вечерний	20
Звезды в небе начинают танцевать	21
Я приеду в дом родной	22
Верлибр № 1	23
Верлибр № 2	24
Навеянное	25
Фотохудожник	25
Точит когти ноябрь	27
Язычник	28
Речка стала. Переправа	30

Капище	30
На восток	31
Растерянность	32
До свиданья, Город	33
Февраль снаружи, февраль внутри	35
В комнате нагретой	37
Снег в сентябре	38
Брызг огней, — удар кресала	39
Жизнь человека	40
Структура кристалла	41
Холод	42
Ночь. Сентябрь. Темно и сырьо	43
Если молчание — золото	43
Я живу в закрытой башне	44
Звездочет	46
Дерево	47
Случайная радость	48
Заречье	49
Сонет печальный	50
Я «Приму» курил	51
Даль укрыта туманом	52
На белом потолке	53
Я так долго не видел высокого неба	54
На весенней охоте	55

Знаю, что где-то рядом	56
Короткие встречи в апреле	57
Побежали по воде круги	58
Был сон пасторальный	59
Сегодня по лесу неспешно бродил	60
Муза деревенская	61
Неторопливая река	62
Взгляд из окна	63
Не поют	64
Лекарь-лес	65
Ночи Севера	66
Менталитет	67
Питие	68
Тихая охота	69
Ягода-брусника	71
Звезды вычертят путь	72
Живу на старом корабле	73
Прожить на дальнем полустанке	74
Мне расставаться с вами жаль	75
12.30. Шар земной	76
Февральское вино	77
О профессии	78
Оглавление	80

Андрей Сарычев

ВОРОБЬИНОЕ ЛЕТО

сборник стихов

Подписано в печать 30.11.2009. Формат издания 70×100/32.
Бумага офсетная 80 г/м². Гарнитура «Peterburg». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,25. Заказ № 7363. Тираж 1000.

Разработано и отпечатано в ООО «Коми республиканская типография».
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.
Телефон: (8212) 28-46-71, 28-46-72.
Электронная почта: planeta7@komiti.p.ru

ISBN 978-5-7934-0312-2

9 785793 403122

1002

